

Смиренный человек

Смотритель при храме — должность в общем-то женская. Дел и делишек всяких — уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норвящими что-нибудь спереть. Времена менялись... Храм наш стоял возле

городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий — произносящего на солее ектению

Николай Александрович Толстик (1958 г.р., Кадников Вологодской обл.) после службы в армии работал в районной газете, закончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Орлова) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Священник храма святителя Николая во Владычной слободе Вологды. За многолетнюю службу удостоен ордена преподобного Серафима Саровского и медали преподобного Димитрия Прилуцкого. Публиковался во многих российских и зарубежных газетах, коллективных сборниках, выходящих на Северо-Западе. Автор нескольких книг прозы. Победитель в номинации «проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008 и 2010», победитель конкурса им. Ю. Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США). Член Союза писателей России. Награжден медалью В. Шукшина «За образность языка в прозе», учрежденной Союзом писателей России.

диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!». Но диакон был не робкого десятка и с достоинством отвечивал: «Отдачей не замучаешься?» Бузотёра незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу... Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибился к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылём в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами, он не чурался всякой работёнки — только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надёжный заслон был поставлен. Одного Ваня даже поймал с поличным — вывернул из-под полы сворованную икону. Огрел «экспроприатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси. Допытывались у Вани, чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

— Вот смиренный какой человек... — шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы. Ваня пришёл на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

— Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде ещё и не старый...

Ваня, как всегда, немногословен:

— В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

Отец Василий — из протоиереев прежних, жизнью вдоволь «тёртых», в советскую пору уполномоченными по делам религий вдосталь «обласканный», насмешек от атеистов разных мастей в своё время натерпевшийся... В ельцинскую эпоху народ валом повалил в восстанавливаемые храмы. Стоят такие люди на службе, переминаются с ноги на ногу, пялятся по сторонам недоумевающе, не ведая, что надо делать. Отец Василий и вразумляет таких с амвона:

— Не умеете молиться — кладите деньги! Всё посильная жертва ваша Господу будет...

Во славу Божию!

В алтаре храма в определённые моменты службы священнослужителям разрешается уставом сидеть. Наш игумен, видимо, для пущего смирения этим послаблением пренебрегает: стоит и стоит себе, молится... Но однажды присел-таки, то ли неважно себя почувствовал, то ли просто устал.

— В кои-то веки! Не иначе — жалование всем прибавят! — воскликнул кто-то из малоимущих пономарей.

И точно, как по заказу: на другой день — желанная добавка! Теперь игумена на каждой службе с участливым видом просили пономари присесть, даже мягким стульчиком обзавелись и его игумену старательно подставляли... Тщетны попытки!

Не так прост игумен, опять стоит перед престолом Божиим несокрушимо. И ещё наставляет жаждущих дополнительного «сребра»:

— Потрудитесь-ка просто во славу Божию!

На всякий случай

На дальний приход приехал строгий архиерей, заметил какие-то непорядки. За трапезой — напряжённое молчание. Местный батюшка, прежде, чем вкусить скромных яств, осторожно перекрестил свой рот.

— Зачем вы это делаете? — раздражённо спросил владыка.

— На всякий случай. Чтобы бес не заскочил.

— А может, чтоб не выскочил?

Деловое предложение

Одолели бомжи. С холодами порядочной компанией обосновались в притворе храма, хватают за рукава прихожан, «трясут» милостыню. Настоятель, бедный, не знает, как отбиться от них: иной здоровенный дядя, одетый в шмотки с чужого плеча куда как «круче» многодетного молодого батюшки, гнусавит протяжно, заступая дорогу:

— Я кушать хочу! Дай!..

Выручает казначей — тётка бывалая, тёртая жизнью. Храм, хоть и в центре города, но верующим возвращён недавно, обустроиваться в нём только-только начали. Чтоб не застынуть в мороз, поставили печки-временки, привезли и свалили на улице возле стены храма воз дров.

Казначей и обращается к бомжам с деловым предложением:

— Берите рукавицы, топоры, и — дрова колоть! Всех потом накормим!.. Ну, кто первый, самый смелый? Ты?

Бомж в ответ мнётся, бормочет себе под нос: «Да я работать-то и отвык...» и — бочком, бочком — на улицу! Следом — остальные. Как ветром всех сдуло!

Советское воспитание

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом. Минута — суп проглочен. С пустой посудиною в руках стучится в двери пьяненькая пожилая бомжиха, говорит деловито:

— «Второе», пожалуйста!.. И компот!

Не зазнавайся!

Настоятель храма из районного городка давненько в областной столице не бывал, даже архиерей успел поменяться. Надо ехать, брать благословение у нового. Приехал, зашёл во двор епархиального управления. Видит: автомобиль чинят, из-под него ноги чьи-то торчат. Батюшка был то ли из отставных вояк, то ли из «ментов», церемониться с простым, да тем более с обслуживающим, людом особо не привык:

— Эй ты, водила! — окликнул он ремонтника и даже по подошвам ботинок того легонько попинал. — Не знаешь, новый владыка на месте?

Ремонтник молча и неторопливо выбрался из-под автомобиля и, обтирая тряпкой испачканные маслом руки, с нескрываемым любопытством поглядел на вопрошавшего:

— Вообще-то я не водила, а ваш новый владыка!

Батюшка тут и сел...

Святой

В разгар грозы молния ударила прямо в купол колокольни, стоявшей в бугре, на отшибе от городка, церкви. Вспыхнуло гигантской свечой, даром что и дождь ещё не затих. Пусть и времечко было советское, атеистическое — храм действующий, и народ тушить пожар бросился дружно. Потом батюшка одарил особо отличившихся мужичков полновесными червонцами с ленинским профилем. Мужики бригадой двинулись в «казёнку», событие такое отпраздновали на полную катушку. Потом постепенно, по прошествии лет, все бы и забылось, кабы не опек Коля — в чём только душа держится. Всякий раз, торча в пивнушке на своих, колесом, ногах за столиком, он вспоминал геройский подвиг. И толкувая молодяжке, что если б не он, то хана бы делу, «сгорела б точно церква!», блаженно закатив глаза, крестился заскорузлой щепотью:

— Теперь я святой!..

Так и прозвали его — Коля Святой.

Вторая натура

Длинноносый, в очочках, слегка прощельговатого вида, местного

пошиба чинуша Голубок был ещё и уполномоченным по делам религии при райисполкоме. Времена наступили уже горбачёвские, в отличие от своих предшественников, Голубок настоятеля храма в городке не притеснял, постаивал себе по воскресным службам скромненько в уголке возле свечного ящика. Скоро необходимость в уполномоченных вместе с самой властью и вовсе отпала, Голубка вроде бы как выперли на пенсию, но в храме он появлялся неизменно и стоял всё на том же месте. «Не иначе, уверовал в Бога!» — решил про него батюшка и даже поздравить хотел с сим радостным событием. Но Голубок потупился:

— Я, знаете ли, захожу к вам по привычке.

«Да! — вздохнул обескуражено настоятель. — Что поделаешь, коли вторая натура!»

Бессребреники

Триня и Костюня — пожилые тюремные сидельцы, и не по одному сроку за их плечами: то кого побили, то чего украли. И тут долго на волюшке ходить, видать, опять не собрались: подзудил их лукавый в ближней деревне церковь «подломить». Двинулись на дело глухой ночью, здоровенным колом припёрли дверь избушки, где дрых старик-сторож, оконце махонькое — не выскочит, и, прилагая все нажитые воровские навыки, выворотили четыре старинных замка на воротах храма. Побродили в гулкой темноте, пошарились с фонариком. В ценно-

стях икон ни тот, ни другой не пендрили, потому их и трогать не стали. Наткнулись на деревянную кассу для пожертвований, раскокали, но и горсти мелочи там не набралось.

— Тю! — присвистнул радостно Триня. — Бросай эту мелочёвку, тут в углу целый ящик кагора!..

На задах чьего-то подворья, в сараюшке, — устроили налётчики пир. Тут их тёпленькими и взяли. Когда их вязали, возмущались они, едва шевеля онемевшими языками:

— Мы чё?! Ничё не спёрли, верим, так как «Кагор» — и тот выпить не успели.

Присоседились

На заре Советской власти в моём родном городке тоже предавались всеобщему безумию — переименовывать улицы. Прямо пойдя — Политическая, вбок поверни — Карла Маркса. Проходя по центральной улице, спросил я у девчонок из местного сельхозколледжа: знают ли, в честь кого улица названа — Розы Люксембург? Те хихикнули, блеснув белыми зубками:

— Да в честь какой-то международной «прости-господи»!

А уж кто такой по соседству Ласаль, не каждый здешний учитель истории, наверное, ответит. Эх, погуливали когда-то наши предки по Соборной, назначали свидания на тихой, утопающей в кустах сирени, Старомещанской, в воскресный день шли на службу в храм по Никольской! Отреставрировали у нас недавно часовенку, освятили для верующих,

в угловом здании бывшего горсовета открыли воскресную школу. Красивыми такими большими буквами на стене её название написали. А чуть выше старая вывеска-указатель: улица Коммунистов. Присоседились.

Тридцать сребреников

Писатель служил диаконом в храме. Дожил и дослужил он до седой бороды; писателем его никто не считал и называл если так — то за глаза, ухмыляясь и покручивая пальчиком возле виска. Мало кто знал: на дне старинного сундука в отцовском доме лежала толстая стопка исписанных бумажных листов, «семейная сага» — история рода, над которой он в молодости корпел ночами. Все значимые в прошлом веке родовые события, образы дедов и бабок, дядек и тёток, удачливых в жизни или бесшабашных до одури, укладывались помаленьку в главы книги. Тогда же он, с радостным трепетом поставив последнюю точку, послал рукопись в один из журналов, и оттуда, огорошив, ему ответили, что, дескать, ваши герои серы и никчёмны и что от жизни такой проще взять им лопату и самозакопаться. А где образ передового молодого рабочего? Нету?! Ату!!! Обескураженный автор спрятал рукопись в тот злополучный сундук, втайне всё же надеясь — ещё придёт её время... О «саге» диакон, видимо, обмолвился кому-то из иереев, тот — ещё кому-то, узнала о ней и одна интеллигентная бабушка-прихожанка, решила помочь. Схватила диакона-писателя за рукав

подрясника и потащила к спонсору. Куда ж ныне без них, сердешных, денешься, тем более среди прихожан таковые имелись. А этот, по слухам, ещё и из поповичей выходец. В назначенный час диакон и тётка топтались у подъезда особняка-новодола в центре города. Хозяин его, глава фирмы по продаже чистой воды за рубеж, лихо подрулил на иномарке. Ладный такой старичок, спортивного вида, в отутюженном костюмчике; глаза из-под стёклышек очочков — буравчики. Рукописание крепкое.

— Преображенский! — представился он и сказал диакону. — Вы дайте сюда рукопись, я ознакомлюсь и решу. Вас, когда понадобится мне, найдут...

Переживал, конечно, писатель несколько томительных дней и ночей, мало ел, плохо спал. Наконец, позвонили прямо в храм, за свечной «ящик»: Преображенский приглашает. Он ждал диакона на том же крыльце, вежливо открыл перед ним дверь в офис; охранник-детина, завидев за писателем шефа, вскочил и вытянулся в струнку. Преображенский провёл гостя в большущий просторный кабинет с развешенными на стенах полотнами-подлинниками местных художников.

— Вас, наверное, предупредили... — начал он разговор. — А может, и нет. Я был начальником отдела контрразведки одного известного учреждения. Впрочем, ладно, не в этом суть.

«Вот влип!» — подумал про себя диакон и слегка вспотел.

— Откуда вы для книги сведения черпали? Героев расписывали? Из рассказов родственников, соседей? Да? Но всегда ли эти байки объективны были, не обиду или злобу затаив, сочинял иной гражданин разные страшилки про коллективизацию или работу органов? Вас-то в это время ещё не было на свете!.. У меня самого прадед-священник в двадцатом году у дворе тюрьмы от сердечного приступа преставился, когда на допрос чекисты выкликнули. Но мне это родство потом в жизни помехой не стало...

Преображенский говорил и говорил, не давая бедному писателю и слова втиснуть. Оставалось только тому согласно мычать да глаза пучить.

— Зачем ещё одна такая книга, где о советском прошлом так плохо и ужасно?.. Денег на издание её я вам не дам... Но не спешите откланиваться! — остановил диакона несостоявшийся спонсор. — У меня есть к вам деловое предложение. А что если вы напишите такую книгу, где коллективизация, чистки и всё другое было только во благо, во имя высшей цели?! Вот это вас сразу выделит из прочего мутного потока! А я готов платить вам жалование каждый месяц, такое же, как у вас в храме. Подумайте!

Диакон вышел на крыльцо, нашёл взглядом маковки церковных куполов невдалеке и, прошептав молитву, перекрестился. Ничего не стал он писать. А рукопись опять спрятал на дно сундука.

Противостояние

Ильич стоит к храму боком, вроде как бы с пренебрежением засунув руки в карманы штанов и сбив на затылок кепку. На пьедестале — маленький, в натуральный рост, измазан чёрной краской. Храм в нескольких десятках метров от статуи, в окружении рощицы из старых деревьев, уцелел чудом на краю площади в центре города. Всегда был заперт на замок, окна закрыты глухими ставнями. Однажды в его стенах опять затеплилась таинственная, уединённая от прочего мира церковная жизнь... Но и на пустынной площади возле Ленина разместился аквапарк с качелями-каруселями, надувными батутами, развесёлой, грохочущей день-деньской музыкой. О вожде мирового пролетариата тоже не забыли: как любителю детей, под самый нос ему заворотили ярко раскрашенную громадную качалку. Только дети то ли не полюбили, то ли просто побоялись качаться тут или благоразумные родители им запретили это. Визжали, дурачились на качалке молодые подвыпившие тётки, а с лавочек возле постамента, опутанного гирляндой из разноцветных помигивающих лампочек, их задирали тоже хватившие лишку молодцы с коротко стриженными, в извилинах шрамов, головами и в грязных потных майках, обтягивающих изляпанные синевой наколок тела. Не думал я, проходя мимо них на службу: нежданно-негаданно эта накачанная компания, спасаясь от жары или вовсе теряя всякую ориен-

тировку во времени и пространстве, ввалится в храм... Служили на Троицу литию. Выбрались из зимнего тесного придела в притвор напротив раскрытых врат просторного летнего храма, выстывшего за долгую зиму и теперь наполненного тяжёлым влажным воздухом. Из окон под куполом пробиваются солнечные лучи, высвечивают, делая отчётливыми, старинные фрески на стенах. Как на корабле среди бушующего, исходящего страстями, людского моря! Молодцов, пьяно-шумно загомонивших, тут же, зашипев и зашикав, выпроводили обратно за порог бабульки-смотрительницы. Всё-таки один, в ярко-красной майке, загорелый до черноты, сумел обогнуть заслон и, качаясь из стороны в сторону, пройти в гулкую пустоту летнего храма. Возле самой солеи, у царских врат, он бухнулся на колени и прижался лбом к холодному каменному полу. Старушонки, подскочив, начали тормозить и его, чтобы вывести, но батюшка махнул им рукой: пускай остаётся!.. Торжественно, отдаваясь эхом под сводами храма, звучали слова прошений ектении, хор временами подхватывал стройным печальным многоголосьем: «Господи, помилуй... Господи, помилуй!» В эту симфонию вдруг стали примешиваться какие-то неясные звуки. Мы прислушались. Да это же рыдал тот стриженный, в майке! Бился испещрённой шрамами головой об край солеи, просил, умолял, жалился о несуразно и непутёво сложившейся жизни. Что творилось в душе его, какое скопище грехов рвало и кром-

По времени

сало её на мелкие, кровоточащие части?! Вот он утих и лежал так ничком на полу до конца службы. Потом бабульки помогли ему подняться и повлекли к выходу из храма, умиротворённого, притихшего, с мокрым от слёз лицом. А молодой батюшка, вздохнув, сказал:

— Проспится в кустах под Лениным — и всё своё покаяние забудет. А жаль...

Власть без пола

В самом древнем соборе в городе власти разрешили отслужить Пасхальную Вечерню. Собор — музей, в гулком его нутре холодно, сыро. За толстыми стенами вовсю бушует весна, а здесь — в пору в зимнюю одёжку упаковываться. В алтаре священнослужители терпеливо ждут архиерея, разглядывают старинные фрески на стенах. Вдруг в алтарь бесцеремонно влетает немолодая дама, затянутая в джинсовый костюм с блестящими заклёпками, на голове — взлохмаченная кудель рыжих крашенных волос.

— Вы куда? Женщинам же сюда нельзя! — с тихим ужасом восклицает кто-то из молодых батюшек.

— Я не женщина! — нисколько не смущаясь, отвечает джинсовая дама. — Я главный инженер!

И неторопливо бродит по алтарю, смотрит на датчики на стенах, фиксирующие процент влажности, записывает что-то в блокнотик. Сделала своё дело и — как ни здравствуйте, так и ни до свидания! Все оторопели. Немая сцена...

Местный юродивый Толя Рыков сидит на паперти храма, как обычно, лопочет что-то взахлёб. Нет-нет да и проскочит в его речах крепкое словцо.

Солидная дама, выходя из храма и всё-таки, видать, собирающаяся пожертвовать Толе копеечку, сожалующее-брезгливо поджимает подкрашенные губы:

— Какой он у вас блаженный? Вон как матом ругается!

Опрятная старушка рядом отвечает:

— Так это он по-топеришному времени...

Всё-таки польза!

Бабулька тащит батюшке связку сухих позеленевших баранок:

— Хотела вот поросёнку отдать... Да ты возьми! Хотя помолишься обо мне, грешной!

Без греха

Благообразного вида старушонка священнику:

— Ой, батюшко, хотела бы причаститься, да всё никак не получается!

— Иди на исповедь! — отвечает ей молодой батюшка. — Знаешь, что в Чаше-то находится?

Старушонка хитро поглядывает, почти шепчет заговорщически:

— Знаю... Да только не скажу.

— Евангелие читаешь? — продолжает допытываться священник.

— На столе всегда лежит, — отвечает бабулька.

— Так читаешь?

— Так на столе-то оно ведь лежит!

— Много грехов накопила?

— Ох, батюшко, много-много! — сокрушённо всплёскивает ручками старушка.

— Перечисляй тогда!

Бабулька задумывается, вздыхает вроде б как с огорчением:

— Да какие у меня грехи? Нету...

Пост

Полуслепой вдовец, давным-давно «за штатом», хромой отец Василий ковыляет помаленьку с базара. В авоське-сетке в крупную ячейку, болтающейся в его руке, просматривается мороженая куриная тушка. Кто-то из новоявленных фарисеев радостно, с показным сокрушением на роже, бросается к старику:

— Батюшка, ведь пост!

Отец Василий останавливается, скорее, не зрением, а по звуку голоса находит укорившего его, и обстоятельно изрекает:

— У кого — нет, у того и пост!

Портфельчик

Семейство причащается Святых Христовых Тайн. Две девочки постарше уступают первенство младшей сестре. А та извивается ужом на руках у худощавого папы, мотаает головой туда-сюда, плотно сжимая губы — ложечкой с причастием не попадёшь.

— Да поставьте дочку на ноги, в конце концов! — говорит батюшка папаше. — Не младенец она у вас!

Девчонка уже не угрюмо и испуганно, а с некоторым настороженным интересом смотрит на батюшку снизу вверх. К спине непослушной рабы Божией, словно блин, прилепился крохотный игрушечный портфельчик.

— О, сегодня знаменательный день! — нашёлся священник. — Причащаются все, кто с портфельчиками!

И надо же — девчонка сразу рот нараспашку, как галчонок! Подумалось: а что если бы не только дети, но и взрослые дяди и тётки с портфельчиками причащались почаще! Может, тогда и жили бы все в России лучше...

Дань моде

Молодой священник отец Сергей пришёл сам не свой:

— Пригласили меня освящать «новорусский» особняк... Час уж перед обедом. В вестибюле юная дамочка встречает. В одной прозрачной ночнушке, коротенькой, по самое «не могу». Этак, спросонок, щебечет: «Вы работайте, работайте! Если я вам мешаю, то на балкончике пока покурю».

Освятит особняк отец Сергей, водичкой везде в комнатах покропил, от прелестей дамочки-хозяйшки стыдливо глаза отводит.

— Понимаете хоть, зачем вам это освящение жилища? — спрашивает.

— Так модно же! — удивлённо округляются глазки с размазанной косметикой. — Чем я хуже других?! А вы получили за работу, так молчите!

Дай денег!

К отцу Сергию в церковном дворе подгребают бомж. Мужик ещё не старый, здоровяк, подбитая рожа только пламенеет, и перегарищем за версту от него разит, едва с ног не сшибает.

— Дай денег! — просит у батюшки.

А у того — детей мал мала меньше — полная горница!

— Не дам, — говорит отец Сергий. — Мне чад кормить.

— А я вот семью свою потерял, потому и пью. Не могу без них и до такой жизни дошёл, — пытается разжалобить священника бомж и приговаривается, видимо, выдавить слезу.

— А ты не пей! — со строгостью отвечает отец Сергий. — И всё вернётся.

Бомж чувствует, что терпит фиаско и кричит раздражённо:

— Я... я... Афган прошёл!.. Напишу вот корешам, они мне столько денег пришлют, что и тебе дам!..

Другой бомж — потише, на фантазии его не тянет, в состоянии крайнего возбуждения он приходит только в одном случае, когда в церковный двор въезжает шикарная иномарка, и навстречу ей торопится батюшка с кропилом. Освящение машины — дело серьёзное, тут хозяин подстраховаться от всякой беды хочет, стоит весь во внимании. Щедро кропит батюшка иномарку святой водичкой, а тут невзрачный оборванный мужичонка к хозяину подсакивает и — дёрг его за рукав!

— Дай денег! — кричит и щерит в беззубой улыбке рот.

Бритоголовый хозяин в другом бы месте без разговоров в ухо просителю въехал, но тут, возле храма, нельзя. А бомж не отстаёт, то за один рукав, то за другой опять дёргает.

— Да на! Отсохни! — суёт, наконец, бомжу купюру.

А тому только то и надо, будет ждать-дождаться до следующей поживы. Иноземного авто в России хоть пруд пруди, миллионером можно так сделаться.

Капелька

Жоржа на спор прокрутили на лопасти винта вертолётки когда-то во время срочной его службы в армии, и с той поры жизнь вращала и вертела бедолагу, бросала в разные стороны. Кончилось тем, что оказался Жорж перед самым выходом на пенсию у нас на приходе, бобыль бобылём, единственная родня — брат в деревне, да и тот бродягу Жоржа принять отказался. Всё хозяйство и богатство Жоржа — допотопный обшарпанный чемодан, набитый всякой бесполезной всячиной, обмотанный цепью, замкнутой на висячий, приличных размеров, замок. Притулившись к приходу, Жорж взирал на молодого настоятеля, как на благодетеля. Пономарничая — прислуживая в алтаре — он, разинув рот, ловил каждое того слово. Да вот беда — седая башка у пожилого Жоржа была с порядочной дырой: что влетало туда, тут же, без толку пошебуршившись, вылетало обратно. Настоятель молодой, горячий: Жорж от его раздражённых

окриков и упрёков тычется расте-
рянно во все углы, словно слепая
кураца. И смех, и грех! «Уйду! Уйду!
Уйду! — отходя от службы, скулит за-
битой псиной в укромном местечке
умаявшийся Жорж, однако же на сле-
дующее утро опять ожидает смирен-
но настоятеля. Смотрят все на бед-
нягу жалеючи: точь-в-точь готовый
услужить господину послушливый
раб — от усердия и беготни аж под-
мётки сапог, того гляди, задымятся!
Но не так прост наш Жорж! В запер-
тую дверь алтаря снаружи пытается
постучаться диакон: обе руки покла-
жей заняты.

— Отопри, Жорж!

— Не инвалид! В другую дверь
обойдёшь! — ворчит недовольно
Жорж и не трогается с места. Что ж,
каждый «по капельке выдавливает
из себя раба»...

Проруха

Рафаиловна — старлица благоче-
стивая, но и чересчур шустрая. При
храме она смотрительницей состоит
и в каждую щель свой востренький
носик норовит воткнуть. Зайдёт с
улицы в храм какая-нибудь накра-
шенная дамочка свечку поставить,
не успеет ещё с робостью лоб пере-
крестить и оглядеться, как Рафаи-
ловна коршуном на неё насочит:

— А чё ты в брюках забежала, как
басурманка? А чё без платка? А чё
намазюканная, как буратино?

Пришибленная таким натиском
захожанка забывает зачем сюда и
пришла, дай Бог ноги унести! Зай-
дёт ли когда ещё?.. Рафаиловна и с

постоянными прихожанами строга:
следит неотступно, чтобы кто-ни-
будь из них со «своего» места не
передвинулся на чужое, чуть что —
зашипит недовольно. Сколько раз
священнослужители делали Рафаи-
ловне за это усердие не по разуму
внушение: так и прихожан всех мож-
но от храма отвадить, но... опустит
смиренно глазки долу Рафаиловна —
и опять за своё. Хотя в экстренных
случаях без неё не обойтись... За-
болели разом оба пономаря, Алек-
сей и Жорж, пришлось настоятелю
доверить пономарку с кадиллом Ра-
фаиловне: всё-таки старлица благо-
честивая. И не ошибся настоятель:
начищенное кадило ярко блестит,
в алтаре — пылинке сесть некуда.
Рано ли, поздно — вернулись, одолев
болячки, Алексей с Жоржем, Рафаи-
ловну можно бы и отставить от поно-
марства, да не тут-то было! Старич-
ки-алтарники не особо аккуратисты,
наведённая чистота стала при них
помаленьку блекнуть. Этого Рафаи-
ловна не могла спокойно пережить.
Заглянув в алтарь в щель приоткры-
той диаконской двери, возмутилась,
сжала негодуяще кулачишки и возо-
пила на лодырей «гласом великим»...
Старики, как угорелые, заметались
по алтарю, и прежний порядок был
благополучно восстановлен. Но и
на старуху бывает проруха... Как-то
раз с улицы забежал в пустынный
днём храм бомж. Маленького ро-
сточка, особо неприметный, в меру
вонючий и грязный — в оставленные
прихожанами на паперти шмотки
бродяги иногда обряжаются не хуже
обычных людей. Незамеченным

прошмыгнул в алтарь и через пару секунд выбежал обратно, сжимая в одной руке подсвечник, а в другой — посеребрённый крестильный ящичек. Рафаиловна отважно бросилась на вора, но приёмами самбо или джиу-джитсу старица не владела, грабитель просто оттолкнул её в сторону и бывал таков. Как в омут канул, вызванный по тревоге наряд милиции не сумел его изловить.

— Ой, это я, ворона старая, во всем виновата! — сокрушалась Рафаиловна.

И решила, искупая грех, просить у настоятеля благословения уйти в монастырь... Кто-то видел её потом в соседней епархии, принёс весточку: трудилась Рафаиловна на скотном дворе в монастырском хозяйстве. Кто-то из наших прихожан вздохнул:

— У неё, небось, там и коровы в бахилах ходят...

Про лампочку и архиерея

В кафедральном соборе города поздравляют с юбилеем архиерея. Роскошная куча из букетов цветов, всяких подарков; льются напыщенные, льстивые речи.

— Вы, владыка, как лампада многоценная, сияете нам, сирым и убогим!.. — восклицает велеречиво, с придыханиями, соборный протоиерей...

На другой день старичок архиерей, просматривая свежую городскую газету, вызывает своего секретаря:

— Смотри-ка, отец секретарь, что пишет журналист... — и читает вслух

строки из репортажа: «И вы, владыка, как... лампочка многоценная, сияете нам...»

Архиерей грустно улыбается:

— Это как понять? Лампочка-то может и перегореть, а то и вывернуть её запросто могут.

Чехова вспомнили

Пожилой пономарь Алексей, телом сух и духом крепок, поспешил по какой-то надобности через «горнее место» в алтаре и, вот тебе, попала ему в ноздрю пылинка. Чихнул он громко и от души.

— О, несчастный! — воскликнул стоящий перед престолом батюшка — службы без году неделя, но сразу метивший в «младостарцы». — Молиться тебе, убогому, надо, поклоны бить и каяться, каяться!

Старый игумен, выдавший виды, рядом вздохнул удручённо:

— Давайте не будем уподобляться чеховским персонажам!

Что лучше?

Отец Сергей, старенький священник, на полиелее произнеся в алтаре ектению, выходит в проём Царских Врат на солею и с торжественно-подчёркнутой неторопливостью кланяется настоятелю, помазующему елеем чела прихожанам на середине храма.

— Отец Сергей, зачем же вы так делаете? Ведь настоятель — не архиерей!

— Лучше перекланяться, чем недокланяться! — отвечает мудрый священник.

И всего-то делов!

В верхнее окно алтаря нашего храма виден флаг, развевающийся над зданием городского суда.

— Посмотрите! Вон как полотнище повылиняло, истрепалось ветром! Заменили бы хоть! — посетовал однажды настоятель. И — как-то смотрим — полотнище флага новёхонькое, реет гордо.

— Вот дело другое! — доволен настоятель.

В это время к престолу, держа кадило, осторожно приближается наш пономарь Алексей — божий человек, колеблемый после поста даже сквозняком, смиренный душою и сердцем.

— Каюсь, батюшка, это я... — лепечет он еле слышно. — Благословения у вас забыл испросить. Стекло в верхнем окне перед службой протёр. И вот...

— Да, накалили мы, братие!

Свой срок

Отец Аввакумий страдал от одной своей особенности — ляпнет что-нибудь второпях — ни к селу ни к городу, не подумавши толком — а потом испуганно охватывается. Однажды вылетели напрочь у него из головы слова заготовленной накануне проповеди о пользе труда. Бывает же такое — рот открыл сказать, а мысль куда-то внезапно ускочила. Но батюшка не растерялся:

— Некоторые несознательные прихожанки спрашивают меня: можно ли в воскресенье стирать бе-

ль? Не грех ли это? Отвечаю: Бог труд любит! Стирайте на здоровье, но после обеда! Аминь!.. Что стоите и ждёте?

За праздничным застольем — опять казус, снова батюшке хотелось сказать «как лучше, а получилось как всегда». С торжественностью разгладил он бороду, вознёс бокал с вином и, поблёскивая капельками пота на лысине, с чувством пожелал присутствующим:

— Скорейшего вам Царствия Небесного!

И не мог понять: почему это у всех дружно, как по команде, вытянулись лица. Что ни говори, а всякому — свой срок, и подготовиться к этому — время нужно, и каждому желалось бы — подольше.

Супостаточки

Пенсионерка, преподаватель педагогического вуза, то ли из солидарности с кем-то, то ли из простого любопытства зашла однажды в храм. Поозиралась по сторонам и вдруг видит: напротив иконы стоит давняя однокурсница и крестится. В студенческой молодости дамы, без сомнения, соперничали меж собой, а, может, и чёрная кошка когда-нибудь между ними прошмыгнула. Первая, не успев ещё толком поздороваться, тут же поспешила уколоть другую:

— Крестишься, молишься вот... А помнишь, что у тебя в институте была твёрдая пятёрка по научному атеизму?

— Так я покаялась... — был ответ.

Как я стал дедом

Всему свой срок. И мне пришло времечко дедушкой становиться... Дочь в роддоме мучается; брожу потерянно по улице. Зашёл на огонёк в старинный особнячок в центре города, где контора местного отделения Союза писателей России квартирует. Братья-писатели посочувствовали, кручину мою по-своему истолковали: достали из ухоронки добрый остатчик — на, успокой нервишки! И ушли в соседнюю комнату какое-то совещание проводить. Сижу-посиживаю: мобильник в ожидании на столе, возле посуды — закинутые салфеткой пустые рюмашки. Из коридора в дверь прошмыгнул невеликого ростика, плотный, прилично одетый старикан со старомодным дипломатом в руке, стрельнул испытующе в мою сторону колючими глазками и уселся за соседним, донельзя заваленным рукописями, секретарским столом, приняв выжидательно-скучающую позу. Немало тут старикашек всяких-разных шастает с толстенными тетрадками мемуаров лишь для того, чтобы кто-то хотя бы вид сделал, что их творения прочитаны. Старичок не мешает мне, сижу дальше. Трель мобильного: зять звонит! Всё — ты дед! Шумно общаемся с зятем по телефону и нескоро умолкаем. Глядь: старичок уже сидит напротив меня и с нарочито-деланной улыбочкой мне руку через стол тянет:

— Уважаемый товарищ, поздравляю вас со знаменательным в вашей жизни событием!

От предложенной рюмки он ворочит нос, морщится, но потом с явно притворным тягостным вздохом опрокидывает залпом её содержимое в себя: ну, только если ради вас...

— А вы — тоже писатель?! — заглянув хлебной коркой, деловито вопрошает он меня.

Получив утвердительный кивок, спрашивает у меня фамилию. Вижу: особого впечатления мой ответ на него не производит. Интересуется старичок только: не родственником ли мне приходится такой-то председатель колхоза?

— Нет. А что?

Старикан приосанивается, в голосе его даже металл бряцает:

— Я работал в том районе первым секретарём райкома КПСС!

Я с места не подпрыгнул, под козырёк не взял, подобострастную мину себе на лицо не нацепил. Сижу себе, хлеб жую. «Партайгеноссе», видя к себе такое «почтение», немного суксился и вдруг воткнул мне в грудь палец:

— А вы где работаете, товарищ?

— В церкви служу.

Старичка мой ответ явно огоршил, он, бедный, даже поперхнулся, но со стула прытко вскочил.

— Бывайте... — процедил он сквозь фальшивые зубы — и сам был таков!

Впрямь — чёрт от ладана рванул, видал, может, кто? Вот так, в компании за рюмкой с «партайгеноссе» и стал я дедом. Никогда бы не подумал...

День ангела

Староста Вонифатьич имел обыкновение приглашать в храмовый праздник на трапезу нужных людей. Не обязательно спонсоров, то бишь благодетелей, но и тех, через кого можно что-то для прихода пробить или достать. Староста был ещё тот проныра. И в этот раз на Николу заявили три именных Николая. Стоящими на службе их никогда не выдвали. За праздничным столом, когда они обсели настоятеля и старосту, прочая братия храма смогла их хорошо разглядеть. Тем более Вонифатьич представил всех:

— Этот раб Божий Николай — председатель фракции коммунистов в городской думе. Плотный пожилой здоровячок с поросячьими глазками учтиво кивнул.

— А этот Николай, — продолжал староста, — бывший сотрудник КГБ, в своё время уполномоченный по делам религий, а ныне — депутат законодательного собрания.

Вонифатьич в почтительном поклоне согнулся над столом, почти касаясь бородой тарелки, на что краснощёкий толстяк протестуяще замахал пухлыми руками:

— Что вы, что вы? Не надо, я человек скромный!

Третий Николай — глаза спрятаны за непроницаемой завесой дымчатых стёкол очков, тонкие губы поджаты в строгую ниточку, оказался замом председателя торгово-промышленной палаты. Староста возглашал в честь гостей цветистые тосты, но потом как-то поиссякли у

него хвалебные слова, тоже есть им конец и край. Над столом вдруг зависла долгая выжидательная пауза. Но нашёлся и тут Вонифатьич. Закатил глаза и с чувством выдохнул:

— А хорошей школой был комсомол! Всех в люди вывел!

И один глаз хитро приоткрыл.

— Да, да! — зашумели радостно гости и зазвякали бокалами. Молчал только и не потянулся за стаканом старый диакон. В комсомоле он никогда не состоял, с мальчишек ходил на праздники в храм, уворачиваясь от комсомольцев-дружинников с красными повязками на рукавах. За столом сейчас вроде бы как те знакомые лица ему померещились. О том, что у диакона тоже сегодня — день ангела, и не вспомнили. Не в тему...

Тост

Отец Федот — из прапорщиков, низкий, коренастый, даже какой-то квадратный, всегда то ли под хмельком, то ли просто так в узкие щёлочки плутоватые глазки свои щурит. Из армии его вытурили, не дали дослужить всего пару лет положенного срока. По особой, он бахвалится, причине: тогда ещё, в конце восьмидесятых, замполит-дурак на построении сорвал нательный крестик с шеи солдата, а Федот заступился за беднягу. Может, это и было последней каплей в его служебных прегрешениях: проговаривался Федот по пьяной лавочке, что, мол, и тушёнку в жестяных банках у него на складе мыши успешно и много кушали, и спирт из опечатанных

канистр чудесным образом улечивался. Короче, оказался Федот в доме у стареньких родителей в деревеньке возле стен монастыря. Тихую обитель, бывшую полузаброшенным музеем под открытым небом, стали восстанавливать, потребовались трудники. Федот тут и оказался кстати. Плотничать его ещё в детстве тятка научил. Потом забрали Федота в алтарь храма прислуживать, кадило подавать.

— Веруешь? — спросил игумен у перепачканного сажей Федота.

— Верую! — ответил тот.

— И слава Богу!

Самоучкой — где подскажут, а где и пнут — продвигался Федот в попы. В самом начале девяностых востребованной стала эта «профессия», позарез кадры понадобились. А где их сразу накуешь среди напичканных советским мусором головушек? У кого-то хоть чуть-чуть просветление в мозгах образовалось как у Федота, тому и рады... В церкви — как в армии: единоначалие, и Федоту к тому не привыкать. Тут он — в своей тарелке. Нет-нет да и выскакивало из него прежнее, прапорщицкое, командирское. Бывало, служит панихиду. А какая старушонка глухая — не расслышит, как прочитали с поданной бумажки родные ей имена — с соседкой ли заболтается или ещё что, затеребит настойчиво отца Федота за край фелони: уж не поленился ли, батюшко, моих помянуть?

— Так! — сгрёбёт за «ошерок» старую глухню Федот. И отработанным командным голосом огласит ей на ухо весь список. — Слышала?!

— Ой, батюшко, чай, не глухая я! — еле отпыхается со страху старушонка.

Отец Федот развернётся к остальным и с угрозливыми нотками в голосе спросит:

— Кто ещё не слышал?!

Все попятятся... В определённые моменты на литургии все молящиеся в храме должны становиться на колени. Но бывает так, что кроме богомольцев, просто случайно забежавших людей куда как больше. Стоят, глазают, а то и болтают. Отец Федот строг, тут вам не музей: взглянет, топорщась бородищей, из алтаря и рявкнет, как на солдат на плацу, для пущей убедительности сжимая кулак:

— А ну-ка — все на колени!

И бухались дружно. Даже доски деревянного пола вздрагивали. На солдафонские повадки отца Федота никто особо не обижался: что взять, испортила хорошего человека армия... Как раз в праздник Победы пригласили отца Федота освятить офис одной преуспевающей фирмы. Хозяева и сотрудники охотно подставляли раскормленные холёные хари под кропило батюшке, а потом, сунув ему на лапу, и за банкетный стол бы, чего доброго, позабыли пригласить. Но отец Федот — человек не гордый, сам пристроился. Только наскучило ему всё скоро: был он, пока кропилом размахивал, главным героем момента, а теперь и в упор никто его не видел — пустое место. Вели фирмачи какие-то свои, непонятные ему, разговоры, лениво потягивали из бокалов заморские вина, нюхали чёрную икорку. Ощу-

тил себя отец Федот тут инородным телом. И зацепило его ещё: о празднике никто из присутствующих и не вспомнил даже. Решил он тогда встряхнуть всех старым армейским тостом. В большущий фужер из-под мороженого налил мартины, плеснул виски, сухого, пива, водочки... Кое-кто с недоумением косился на отца Федота. А он встал из-за стола, под умолкающий шум вознёс брагину, в почти полной уже тишине опрокинул её в себя и, зычно крикнув, выдохнул:

— Смерть Гитлеру! И всем буржуям!

Подросток

Старый заслуженный протоиерей, бородачи с проседью — вразлёт, был нрава сурового, жёсткого: слово молвит — в храме все трепещут. А у его сына Алика — пухлые щёки надуты, будто у ангелочка, румяненькие, глаза добрые, бесхитростные. Увальень увальнем. Батька не церемонился долго: повзрослевшему сынку предопределил семейную стезю продолжать. Замолвил, где надо, веское словечко, и готово: Алик — поп. Не стал парень отцу перечить — молодец, но только рановато ему было крест иерейский надевать. Служил отец Алик в храме исправно — с младых ногтей всё впитано. Да вот только приключилась беда или недоразумение вышло: обнаружили у молодого батюшки две, вроде бы взаимоисключающие друг друга страсти — велосипеды и компьютеры. В свободные часы Алик до изнеможения по дорогам за городом

гоняет, вечерами — за компьютером зависает. Утречком мчится он на службу на велике, влетает в ворота церковной ограды, весело кричит:

— Смотри, отец диакон, как я без рук могу ездить!

И выписывает кривули по двору, только крест между раскрывшихся полов курточки на груди поблёскивает. Бабки-богомолки озираются, испуганно сторонятся и торопливо крестятся. Юная матушка у Алика — не тихоня, не прочь молодого мужа на увеселения какие-нибудь затащить — хоть на дискотеку. Рвал, рвал себя Алик пополам да и однажды не выдержал: пошёл в епархиальное управление и прошение «за штат» на стол положил.

— Не дорос я... Подрасту, вернусь!

Проявился-таки полученный по наследству отцовский непримиримый характерок! Старого протоиерея спрашивали, бывало, потом про сына.

— Компьютерную фирму открыл, соревнования в Москве выиграл, — чуть заметно смущаясь и будто бы оправдываясь, говорил протоиерей. — Но... вернётся ведь ещё, даст бог!

Фанатка

У казначеи осторожно интересуются насчёт премиальных накануне праздника Пасхи.

— Вот — посмотрите сами, сколько у нас при храме работников! — с укоризною трясёт дородная старушечка листом ведомости на зарплату со списком фамилий перед удручённо повесившими носы про-

сителями. — И всем подай! А прихожане много ли приносят...

Через полчаса за обедом в трапезной казначея заводит разговор о юбилейном концерте Аллы Пугачёвой:

— Это же моя любимая певица! Жаль, что концерт по телику полностью посмотреть не удалось, в двенадцать ночи надо было молитвы вычитывать. А как там Филя выступал...

Суровая старушенция умильно закатывает глазки... Вот когда надо бы про премии выспрашивать!

Ни пуха, ни пера

Молодой батюшка собирается на сессию в семинарию. Литургия отслужена, проповедь кратка.

— Простите, дорогие прихожане, спешу на поезд, еду на сессии экзамены сдавать.

— Ни пуха, ни пера вам! — звонко, на весь храм, восклицает какой-то малолетний шкет. Батюшка смущён: ну, в самом деле, не посылать же пожелавшего ему успехов пацана туда, куда православному ни в коем случае не надо... Но, отдадим должное: два десятка экзаменов и зачётов сдал священник почти на одни пятёрки.

Про старца Фёдора

Духовное училище открылось в нашем городе в начале лихих 90-х. Помещения у него не было, занятия проходили в классе обычной школы, и за парту для первоклашки не мог взгромоздиться иной верзила-сту-

дент. Студенты — народ разношёрстный: кто Богу готов служить, а кто просто любопытствует. Преподаватели — только-только вырвавшиеся из цепких лап советских уполномоченных отделов по делам религий немногочисленные местные батюшки. Историю Ветхого Завета вёл у нас отец Аввакумий, добродушный лысоватый толстячок средних лет. База — учебников нет и в помине, а семинарские конспекты у батюшки, видать, не сохранились или в своё время он не особо усердствовал, их составляя. Нацепит на нос очки отец Аввакумий и монотонно читает текст из Ветхого Завета. Или кого из учеников это делать благословит. Потом прервёт резко:

— А давайте я вам расскажу про старца Фёдора!

И вдохновенно повествует о молитвенных подвигах местночтимого святого. В конце года батюшка экзамен принимал просто:

— Кому какую оценку надо поставить?

Школяры во все времена скромностью не отличались: ясно — «отлично»! Вот только отец ректор училища усомнился в таких успехах и устроил переэкзаменовку. Вызывал по одному. Сидит перед ним студент, ёрзает беспокойно, что-то невнятное мямлит, а потом вдруг заявит решительно, точно отрубит:

— Давайте я вам расскажу про старца Фёдора?!

И так — второй и третий... Что ж, первый блин комом, а второгодники — они и в Африке второгодники...

Накануне референдума

Наш алтарник Вася, про таких говорят — взрослый паренёк, прибрёл на воскресную службу заспанный, вялый — тетеря тетерей. То ли за ночь не выспался, то ли кто-то ему в том помешал. Только за что ни возьмётся Вася, всё из рук у него валится. На службе кадило не вовремя батюшке подаст; все в алтаре в требуемый уставом момент делают земной поклон перед Святыми Дарами, а Вася, задумавшись о чём-то, стоит столбом, ушами только что не хлопая. К концу службы, вдобавок, горящие угли из кадила по полу рассыпал.

— Всё, Василий, хватит! — укоряет его настоятель. — Иди-ка и отбей сто земных поклонов посреди храма перед аналоем! Может, проснёшься... Через руки-ноги и спину быстрее получится!

Вася честно и истово бьёт перед аналоем поклоны. Тут как тут сердобольные бабульки-прихожанки, его окружают, жалеючи вопрошают:

— Что ж ты так, Васенька?!

Вася, отбив последний поклон, кряхтя и обливаясь потом, находчиво-бодро отвечает:

— Я за Крым молюсь! Чтоб там всё хорошо было!

Патриот.

Почти святочная история

Дядюшка мой, Паля, не дурак был выпить. Служил он на местной пекарне возчиком воды и, поскольку о водопроводах в нашем крохотном

городишке в ту пору и не мечтали даже, исправно ездил с Карюхой на реку с огромной деревянной бочкой в дровнях или на телеге, смотря какое время года стояло на дворе. Хлебопечение дело такое, тут без водички — хоть караул кричи. Под Рождественский праздник в семье нашей запарка приключилась. У мамы — суточное дежурство в детском санатории, а у папы — какой-то аврал на работе. Как назло. Они ж со мной, годовалым наследником, по очереди тетёшкались. Сунулись за подмогой к тётке Мане, жене дяди Пали; она, случилось, выручала, да запропастилась опять-таки куда-то, к родне уехала. Дома лишь дядя Паля, малость поддавши, сенцом Карюху во дворе кормит.

— Какой разговор! — охотно согласился он, когда родители мои пообещали ему по окончании трудов премию в виде чекушки. — Малец спокойный, не намаесси!

На том и расстались... Соседи потом рассказывали: понянчившись некоторое время, дядя Паля забродил обеспокоено по двору, потом запряг в дровни Карюху, вынес свёрток с младенцем.

— Это ты куда, Палон?! — окликнул кто-то из соседей.

— Раззадорили вот чекушкой-то... И праздник опять же, — скороговоркой ответил дядя Паля, залезая на передок дровней с младенцем на руках и в надвигающихся сумерках чинно трогаясь в путь. Родители пришли за мной поздно вечером — и каков, вероятно, был их ужас, когда они увидели, как из дровней соседи

за руки-за ноги выгружают бесчувственное, покрытое куржаком инея тело дяди Пали и влекут в дом.

— А где ребёнок?

— Что за ребёнок?

Карюха дорогу домой знает, дядю Палю сама привёзла: что человек тебе, только не говорит. А дядя Паля молчит, как партизан на допросе, только мычит невнятно да глаза бессмысленные таращит. Эх, как все забегали, заметались!.. В это самое время, ближе к полуночи, на пекарне бабы готовили замес. Пошли в кладовку за мукой и вдруг услышали плач ребёнка. Те, что постарше, суеверно закрестились: «Свят, свят, свят...», а помоложе, любопытнее — прислушались и обнаружили

младенца в ларе с мукой. Тетёшкали и долго недоумевали: откуда же чудо-то явилось — хорошенькое, розовенькое, пока не вспомнил кто-то про дядю Палю, видали, дескать, его в качестве няньки. А дальше бабье следствие двинулось полным ходом: с мужиками-грузчиками дядя Паля тут, возле кладовки, законный выходной и заодно праздник отмечал. Стал раскручиваться клубочек... Родным находка такая в радость, рождественский подарок! Об истории этой до сих пор в городке вспоминают, узнают всё — много ли я в жизни маюсь, раз в муке нашли. Только об одном хроники умалчивают: как и чем был премирован мой бедный нянька дядя Паля, это осталось семейной тайной.

Вологда